

Какъ мы уже отмѣтили, книга г. Петрова читается легко, стиль бойкій и гладкій. Тѣмъ болѣе поражаетъ читателя любовь автора къ нѣкоторымъ иностраннымъ словамъ и оборотамъ. Таковы *faire la cour* (стр. 40, 88 и т. д.), *tarada* (79, 137), *gozar* (78, 94, 482). Неужели авторъ не могъ бы замѣнить ихъ равносильными русскими словами? Очень ужъ некрасиво звучатъ они въ серединѣ русской фразы.

Но это, конечно, мелочи.

Подводя итогъ, мы можемъ сказать, что трудъ г. Петрова проведенъ—въ предѣлахъ поставленной самимъ авторомъ задачи—умѣло и добросовѣстно, и представляетъ цѣнный вкладъ въ ученую литературу объ испанской комедіи. Цѣнителей этого труда у насъ найдется немного. Въ интересахъ дѣла было бы желательно, чтобы авторъ перевелъ нѣкоторыя части своей книги на одинъ изъ западно-европейскихъ языковъ: мы имѣемъ въ виду, при этомъ, главнымъ образомъ, послѣднія двѣ главы, имѣющія, какъ нами уже отмѣчено, наибольшее научное значеніе.

Ф. Браунъ.

Псалтырь жидовствующихъ въ переводѣ Оводора Еврея. Къ изданію приготовилъ М. Н. Сперанскій. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1907.

Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ взяли мы въ руки одинъ изъ списковъ Псалтыри Оедора Еврея; много разъ по разнымъ причинамъ намъ приходилось упоминать объ этой Псалтыри; но по независимымъ отъ насъ и непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не оказалось для насъ возможнымъ воспользоваться ея списками и провѣрить по нимъ свои выписки въ то время, когда мы печатали свой трудъ о переводной литературѣ Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Поэтому нашъ этюдъ о Псалтыри Оедора Еврея не попалъ въ эту книгу, къ несомнѣнному ущербу для ея полноты; но мы въ ней все-таки изложили вкратцѣ свое мнѣніе объ этомъ памятникѣ.

Большое спасибо М. Н. Сперанскому, что онъ взялъ на себя нелегкій трудъ изданія Псалтыри Оедора Еврея. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ издалъ ее вполнѣ точно. Можно на него поспѣтовать развѣ за то, что онъ не приложилъ къ тексту хотя бы небольшого словаря—списка находящихся въ текстѣ необычныхъ словъ, что было бы полезно для интересующихся языкомъ Псалтыри и избавило бы ихъ отъ перечитыванія и выписыванія.

Кромѣ текста, М. Н. Сперанскій далъ небольшое изслѣдованіе

этого въ своемъ родѣ единственнаго въ древне-русской литературѣ памятника. На немъ мы остановимся.

Первое, что намъ кинулось въ глаза, это—неполное знакомство М. Н. Сперанскаго съ вышеупомянутымъ нашимъ трудомъ о переводной литературѣ Московской Руси. Кажется, онъ прочелъ въ главѣ: „Литература жидовствующихъ“ только шесть строкъ на страницѣ 400-й. Во всякомъ случаѣ для насъ несомнѣнно, что онъ не прочиталъ страницъ 398 и 399, гдѣ мы говоримъ о Псалтыри жидовствующихъ и о книгѣ Эсоиръ въ древне-русскомъ переводѣ¹⁾. Въ виду этого намъ здѣсь придется повторить кое-что изъ связаннаго тамъ.

Какъ видно уже изъ заглавія, для М. Н. Сперанскаго Псалтырь Θεодора Еврея и Псалтырь жидовствующихъ—одно и то же. По его мнѣнію, архіепископъ Геннадій говоритъ именно о Псалтыри Θεодора, и именно она должна быть поставлена въ связь съ „богослужебными отиравленіями“ жидовствующихъ.

Взглядъ М. Н. Сперанскаго не отличается повизлою и мы съ нимъ считались, когда почтали страницу 400 нашей „Переводной литературы“. Онъ основывается всецѣло на цитатѣ изъ посланія Геннадія къ Прохору о тетради, „по чему жидовствующіе молились по-жидовски“: „ты тамо узришь..., какъ превращены псалмы на ихъ обычай“. Но опускаетъ изъ виду, что говорится у Геннадія въ посланіи къ Іоасафу: „жидова еретическое преданіе держать—псалмы Давыдовы или пророчества испревращали, по тому какъ имъ еретици предади Акила, Симмахъ и Θεодотіонъ“. Взятая всѣ вмѣстѣ слова Геннадія ясно показываютъ, что онъ зналъ у жидовствующихъ обыкновенную Псалтырь, но не простую, а снабженную толкованіемъ Акилы, Симмаха и Θεодотіона, т. е. подобную книгѣ Царствъ и книгѣ Іова, которыя дошли до насъ (только въ сербскихъ спискахъ, Геннадію, конечно, неизвѣстныхъ) съ толкованіемъ на библейскій текстъ Акилы, Симмаха и Θεодотіона.

Вотъ эту-то Псалтырь, вѣроятно, съ нѣкоторыми особенностями въ текстѣ псалмовъ и съ толкованіемъ Акилы, Симмаха и Θεодотіона, мы и называемъ „Псалтырью жидовствующихъ“. Списковъ ея въ нашихъ бібліотекахъ мы указать не можемъ; но надѣемся, что они

¹⁾ Точно также ему осталась неизвѣстной наша критическая замѣтка о книгѣ: „О ереси жидовствующихъ. Новые матеріалы, собранные С. А. Ёглокуровымъ, С. О. Долговымъ, Ш. Е. Бессельемъ и М. И. Соколовымъ“, М. 1902,—напечатанная въ Журн. Мин. Нар. Просв., гдѣ мы говоримъ, между прочимъ, и о Псалтыри Θεодора Еврея.

найдутся. Известно, что позднихъ списковъ Псалтыри—огромное количество и что они еще никакъ сколько-нибудь не разсматривались¹⁾.

Что же до Псалтыри Феодора Еврея, которая съ обыкновенной Псалтырюю не имѣетъ ничего общаго и съ Акилой, Симмахомъ и Теодотиономъ не можетъ быть связана, то мы ее считаемъ особымъ памятникомъ, отличнымъ отъ Псалтыри жидовствующихъ.

М. Н. Сперанскій остановился на „Посланиі“ Феодора Еврея, недавно изданномъ М. И. Соколовымъ, и по поводу его написалъ противъ Феодора нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта (стр. 38—39). По его словамъ, Феодоръ — „одинъ изъ предшественниковъ Схаріа“, а его „Посланіе“ — „ловко прикрытый тактическій ходъ съ цѣлю отвести глаза“; „Феодоръ уже болѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ до появленія ереси дѣйствовалъ въ ея пользу, и когда дѣло ереси стало крѣпнуть, явился въ ряду тѣхъ ея дѣятелей, которые помогали ея организаціи“. Мы по прежнему не видимъ ни малѣйшаго основанія для причисленія Феодора Еврея къ еретикамъ жидовствующимъ; хотя его имя находится и на переведенной имъ Псалтыри, и въ „Посланиі“, тѣмъ не менѣе нѣкто изъ современниковъ между еретиками его не называетъ.

Гдѣ совершенно переводъ Псалтыри, спрашиваетъ М. Н. Сперанскій (стр. 40). И отвѣчаетъ: „оба списка ея, намъ извѣстные, называютъ, что она была извѣстна на сѣверѣ; естественно предположить, что Феодоръ жилъ если не въ самомъ Новгородѣ, то во всякомъ случаѣ... въ областяхъ новгородскихъ и здѣсь совершилъ свой переводъ“. Списки его Псалтыри сдѣланы, почти несомнѣнно, въ Кирилловомъ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ. Теперь этотъ монастырь, дѣйствительно, связанъ съ Новгородомъ административно; но въ XV вѣкѣ онъ былъ въ Московскомъ княжествѣ и, повидному, имѣлъ значительныя сношенія съ Москвою. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ благословеніемъ Феодора на переводъ отъ московскаго митрополита Филиппа (а не отъ новгородскаго архіепископа или отъ одного изъ епископовъ Московской Руси), позволяетъ догадываться, что Феодоръ всего скорѣе жилъ и работалъ въ самой Москвѣ.

М. Н. Сперанскій замѣчаетъ, что „особенности юго-западнаго говора, замѣтныя въ Псалтыри (Феодора), показываютъ, что русскому языку впервые онъ обучился на юго-западѣ русскаго племени, въ Литвѣ (въ широкомъ смыслѣ этого термина), откуда онъ и пришелъ“

¹⁾ Поэтому, мы думаемъ, мы еще не имѣемъ въ рукахъ и тѣхъ „мірскихъ составленныхъ псалмовъ“, о которыхъ говоритъ индексъ запрещенныхъ книгъ, точнѣе—прибавленіе къ нему, сдѣланное въ древней Россіи.

(стр. 40). Далѣе онъ приводитъ изъ Псалтыри Ѳеодора рядъ словъ и выраженій, по его мнѣнію, принадлежащихъ юго-западному русскому говору, каковы, напримѣръ, *мочный, кто какъ ты, святъ какъ ты*¹⁾, *кто Богъ яко ты, надъные, излюби* и др.

И здѣсь намъ приходится разойтись съ уважаемымъ издателемъ. Текстъ Псалтыри Ѳеодора по обонимъ спискамъ, можно сказать, совершенно свободенъ не только отъ малоруссизмовъ (ничего похожего на нихъ въ немъ нѣтъ), но даже отъ шаблонныхъ бѣлоруссизмовъ, обычныхъ въ каждомъ документѣ западно-русскаго происхожденія; они должны были сохраниться у переписчиковъ вслѣдствіе малой понятности текста. То, что кажется М. Н. Сперанскому юго-западнымъ русскимъ элементомъ, это скорѣе—*польское, чешское, сербо-хорватское*. Именно *поставный* (пс. XXV, LIX)=пол. *postawny*, чешск. *postavný*, *починокъ* (начало; пс. XL)=чешск. *počinek*, *всегда*=чешск. *vždy*, *поранитися* (встать рано; пс. XLIII)=сербо-хорв. *poraniti*, *уранити*. Какъ-будто Ѳеодоръ Еврей жилъ среди славянъ нынѣшней Австро-Венгрии, отсюда попалъ въ Москву и здѣсь нѣсколько научился и церковно-славянскому языку русскихъ церковныхъ книгъ, и живому русскому языку. Такимъ образомъ языкъ его Псалтыри—смѣсь чуть не всѣхъ славянскихъ языковъ.

Если мы рѣшимся такъ смотрѣть на языкъ труда Ѳеодора Еврея, мы кое-что уяснимъ себѣ въ его странныхъ грамматическихъ формахъ.

Формы имен. пад. од. ч. на *а* съ значеніемъ внп. или твор. пад. (похвалимъ имя его усты всякими и душа величія его, пс. XX; съ страхомъ воля ихъ творящихъ, пс. XXII, и т. п.),—можетъ быть, польскія формы съ опущеннымъ носовымъ призвукомъ. Формы 2-го и 3-го лицъ ед. ч. аориста на *лъ* (ты выкупилъ насъ, Господь Богъ нашъ, ... въ гладъ насъ напита*лъ*, а сыта утѣшил*лъ*, а отъ меча насъ избавил*лъ*, пс. L, и др.) легко могутъ быть объяснены при помощи сербо-хорватской орфографіи.

Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Псалтыри Ѳеодора Еврея—въ полномъ смыслѣ слова искусственный и имѣеть сочиненныя имъ самимъ слова и формы.

А. Соболевскій.

¹⁾ Эти два примѣра неудачны: *какъ*—типичный великоруссизмъ (=бѣлорусск. *акъ*).